

О «рассказах» же мужа Достоевская ничего не сообщает, излагая его «план» в самых общих чертах. Тем не менее при почти полном отсутствии других данных и это представляет несомненную ценность. Безусловно важно, поскольку в авторском предисловии говорится лишь об одном герое, Алеше, указание, что во втором романе снова должны были появиться почти все герои первого. Указание это прямо подтверждается структурой «эпилога» к «Братьям Карамазовым». В нем, сообщал Достоевский, имеется и «несколько слов о судьбе лиц», непосредственно связанных с основным сюжетом². Однако в этих «нескольких словах» в сущности лишь ставятся вопросы об их судьбе, но окончательных ответов на них не дано. Мы так и остаемся в неизвестности, выздоровеет ли Иван, примет ли Митя «проект» его побега в Америку, что станется с Грушенькой и Катериной Ивановной. В этом отношении «Братья Карамазовы» едва ли не самый последовательный и яркий пример применения неоднократно встречающегося у Пушкина и излюбленного Достоевским приема — так называемой «открытой композиции», но в данном случае открытой не вообще, а — по замыслу автора — во второй, «главный» роман дилогии, в котором все эти недоуменные вопросы несомненно и должны были найти свое разрешение.

Однако, до нас дошло еще одно аналогичное свидетельство А. Г. Достоевской, являющееся своего рода расширенным вариантом первого. «Смерть унесла его действительно полного замыслов, — сообщала о своем муже в 1916 г. А. Г. Достоевская. — Он мечтал 1881-й год всецело отдать „Дневнику“, а в 1882-м засел за продолжение „Карамазовых“. Над последней страницей первых томов должны были пронестись двадцать лет. Действие переносилось в восемьдесятые годы. Алеша являлся уже не юношей, а зрелым человеком, пережившим сложную душевную драму с Лизой Хохлаковой. Митя возвращается с каторги...»³.

Как видим, в этом варианте уже содержатся тоже очень недостаточные по отношению к упомянутым здесь героям второго романа, перешедшим в него из первого, и в особенности по отношению к главному роману в целом, но все же более конкретные данные. «Митя возвращается с каторги». Мы знаем, что Митя был присужден к 20 годам каторжных работ в сибирских рудниках. Очень вероятно, что это и натолкнуло Достоевскую на снова повторяемую ею неточность (20 вместо 13 лет между действием двух романов). А раз Митя уже через 13 лет вернулся с каторги, значит, подобно его прототипу, подпоручику Ильинскому, и, очевидно, по тем же основаниям (установление его невиновности, ибо возможность полной амнистии по такому тяжкому обвинению, как отцеубийство, исключена) был освобожден досрочно. Не будем гадать, как и кем эта невиновность была установлена, но самый факт представляется бесспорным. И уже совсем бесспорно из сообщения о возвращении Мити после долгих лет каторги к своим, что тот проект «спасти Митю», который был задуман и подготовлен Иваном и Катериной Ивановной (побег во время пути на каторгу в Америку, куда к нему должна была приехать и Грушенька), оказался неосуществленным. Остается неизвестным, сорвался ли этот тщательно подготовленный план (подкуп стражи и т. п.) или, что вероятнее, Митя, колебавшийся по разным причинам, принять или не принять ему, невиновному в убийстве отца, выпавший на его долю «крест», все же решил принять его («он очищается сердцем и совестью под грозой несчастья и ложного обвинения. Принимает душой наказание не за то, что он сделал, а за то, что он был так безобразен, что мог и хотел сделать преступление...», — пояснял в связи

² Письмо Достоевского Любимову 29 апреля 1880 г. — Достоевский Ф. М. «Письма», т. IV, М., «Художественная литература», 1959, стр. 139.

³ Гроссман Л. Достоевский. Изд-во «Молодая гвардия», М., 1962, стр. 512. См. также примечания Л. П. Гроссмана к «Братьям Карамазовым» в 10-томном собрании сочинений Ф. М. Достоевского («Художественная литература», М., 1958, т. 10, стр. 487) и его же редакционные заметки к А. Г. Достоевской «Письма», т. IV, стр. 139.